

Нормы приличия

— Как правило, — наставляла Гитна, — жители Финсе отличаются необычайным гостеприимством и щедростью. Великие вельможи этой страны обожают окружать себя толпами нахлебников и доверенных лиц. Если, прогуливаясь по их столице, вы увидите дом, в котором огни сияют до самого рассвета, — знайте, там обитает великий род. Однако их этикет полон тонкостей: при встрече и прощании непременно следует обмениваться объятиями. В общественных же местах строжайше запрещено шуметь, плевать или — что и вовсе немислимо — справлять нужду.

Гитна сделала паузу, поправив рукав, и продолжила:

— В Великой Фейеполо женщины при встрече касаются друг друга щеками, мужчины же ударяются запястьями — дважды, с внешней и внутренней стороны. Между представителями разных полов приняты поклоны: младший обязан склониться первым, и лишь затем старший ответит ему тем же. Знатные мужи по достижении зрелости обучаются владению мечом, метанию снарядов, охоте и грамматике; девиц же учат верховой езде, соколиной охоте, искусству виноделия и стихосложению... В Фейеполо за трапезой нельзя говорить, смеяться или плакать. И превыше всего — запрещено насыпать дурной глаз.

На первый взгляд большинство этих правил казались Фарфадэ вполне разумными. То, что Гитна называла «суровыми ограничениями», он находил естественными нормами: плевать на улицах и впрямь было верхом неприличия, а уж справлять нужду на глазах у прохожих — и вовсе за гранью понимания. Запрет на разговоры во время еды, по всей видимости, когда-то ввели из-за страха подавиться. Но теперь, когда все они стали призраками, беседа за столом вряд ли могла кому-то навредить. А вот дурной глаз...

Фарфаноэрс помнил, что так называли особый взгляд — злобный, исполненный зависти и заставляющий сердце трепетать от безотчётной тревоги. Ходили легенды, что такой взор наделён тёмной силой, и даже случайный, неосознанный проблеск враждебности в глазах обычного человека может навлечь беду. Чтобы уберечься от этого рока, люди издавна мастерили всевозможные амулеты и обереги.

— К слову... в Фейеполонии верят, что действие дурного глаза зависит от цвета радужки. Предания гласят: если у человека красные глаза...

Фарфаноэрс, не дослушав, поднял чашку и поднёс её к губам. В колышущейся глади драгоценного белого чая отразился его взгляд — алый, точно зёрна спелого граната. Это отражение казалось призрачным и пугающим.

«Если верить людским сказаниям, — подумал он, — тот, на кого посмотрит обладатель таких глаз, обречён разделить с ним самую зловещую и причудливую судьбу».

С этой точки зрения первый человек, которого он встретил в этом мире — рыцарь Вирадуан, — обладал воистину завидным мужеством.

— ...словом, тех, кто грубо попирает обычаи, ждёт суровая кара.

Услышав это, Фарфаноэрс впервые порадовался, что ещё не успел сделать глоток, иначе непременно бы поперхнулся. Разумеется, он не одобрял бескультурья, но смертная казнь — не слишком ли это? Неужели мостовые в Фейеполо вымощены золотыми слитками, что их так яростно оберегают?

По словам Гитны, в Фейеполо за нарушение законов полагалась либо порка, либо смерть — в зависимости от тяжести проступка. В Финсе дела обстоят не лучше, а методы и вовсе отличаются изощрённой жестокостью: отсечение головы, сдирание кожи или скафизм — пресловутая «лодочная пытка».

В умении истязать себе подобных люди проявляли такую фантазию, что даже демоны могли лишь смиренно признать своё поражение. Фарфадэ поспешил сменить тему:

— А что Анаслер?

— Об Анаслере мне известно не так много, прошу меня простить. Я знаю лишь манеры знати: мужчины кланяются, приложив руку к сердцу, а дамы приседают в реверансе, придерживая юбки. О жизни простого люда вам лучше расспросить Хельзе — она ответит быстрее. Обычаи там разнятся от края к краю. Одни говорят, что жители Анаслера бережливы до скупости — поговаривают, будто они собирают слёзы невест, ведь в их землях не хватает соли. Другие же утверждают, что вдоль дорог в Анаслере сажают цитрусовые деревья, дабы любой путник мог сорвать плод и утолить жажду...

После обсуждения основ этикета речь зашла о религии. Точнее, именно религиозные обряды составляли большую часть жизни смертных. От первого крика младенца до последнего вздоха — всё было подчинено ритуалу. Утренние и вечерние молитвы, воскурение благовоний перед алтарями, торжественные шествия со святыми образами по праздникам... На священных литургиях люди изливали друг другу души, давали обеты и приносили клятвы.

Вспомнив об этом, Фарфаноэрс решил уточнить у Гвидо: часто ли воевали эти три региона между собой? Ответ был предсказуем: малые земли постоянно враждовали по мелочам, а великие державы раз в пятьдесят или сто лет сходились в масштабных битвах.

— Обычное дело, — ответил тогда Повелитель Демонов. — Для войны не нужно искать повода...

В тот момент эта тема показалась ему невыносимо скучной.

— Должно быть, всё дело в вере? Сражаются за то, чьи боги истиннее?

— Хм? Чьи боги? — Гвидо в недоумении погладил бороду. — Всегда считалось — и это признают все, — что в мире есть лишь один истинный Бог. Мы не называем Его по имени, именуя лишь Владыкой. Он пребывает в Небесном Царстве, взирая на королей и князей, выбирая праведников, дабы одарить их высшей славой, радостью и любовью... И Финсе, и Фейеполо, и Анаслер — всё находится под Его взором.

Фарфаноэрс нахмурился:

— Но ты ведь говорил, что в Анаслере царит единство веры, а другие его не разделяют?

— Так ведь и видят они Его по-разному! — воскликнул Гвидо. — В языке Финсе «Владыка» — слово огненной природы, Он обитает в домашнем очаге. В Фейеполо верят, что Он восседает на Венере и не вмешивается в дела смертных. В Анаслере же убеждены, что Бог живёт в человеческом сердце, надзирая за каждым помыслом.

«Постойте, это что, одна и та же религия с разными настройками?» — мысленно изумился Повелитель.

Лишь спустя долгое время Фарфаноэрс сумел распутать этот клубок. Все три региона поклонялись, по сути, одному и тому же божеству. У них были схожие мифы, почти одинаковые праздники и священные тексты. Но в деталях они расходились кардинально.

Одни полагали, что Бог смотрит на мир сквозь пламя очага. Это породило негласную систему двойных стандартов: человек должен быть смиренным дома у костра, в храме или в лесу, охваченном пожаром. В остальных же местах можно было не церемониться. Другие считали, что Бог находится за миллионы миль на далёкой звезде и дела земные Его мало заботят. Третьи же верили, что Он видит всё и всегда.

Разница была лишь в том, наблюдает ли Творец за тобой изредка, не смотрит вовсе или следит, не мигая, каждое мгновение. Неудивительно, что они считали друг друга еретиками и охотно шли в бой.

Не будь Фарфаноэрс демоном, он бы над этим поглумился. В Финсе, где власть и религия едины, Бог «то видит, то не видит». В Анаслере, где теократия одержала верх, Его взор стал всепроникающим. А Фейеполо — типичное светское государство, где воля короля — закон, а Бог... Бог где-то далеко.

Но существует ли на самом деле этот всемогущий Творец, создавший всё сущее? Будучи Его исконным врагом, «демоном», Фарфаноэрс не имел об этом ни малейшего представления. Преисподняя была реальна, магия — осязаема, и его собственная сила была неоспорима.

— Вы, кажется, совсем ничего об этом не знаете, — заметил Гвидо.

— Мне говорили, что знать лишнее вовсе не обязательно, — Фарфаноэрс вскинул подбородок, позволив себе высокомерную и холодную усмешку. — Если враг стоит напротив, стоит ли тратить время на изучение его наряда или черт лица?

«Какая заносчивость», — подумал Гвидо. Это пренебрежение было вполне в духе демона. Впрочем, глупо было ожидать от Повелителя Бездны почтения к небесам. В книгах писали, что Владыка большую часть времени не обращает внимания на демонов, которые только и заняты тем, что сеют смуту и раздоры. Причин тому называли множество, и Гвидо мог бы приводить примеры три дня и три ночи, но Фарфаноэрс явно не желал продолжать разговор.

В ту минуту Повелитель Демонов думал лишь о том, что он совершенно не знаком с «официальной историей» этого мира. Оставалось лишь уходить от прямых ответов, пока это возможно. А там — видно будет.

В итоге Фарфаноэрс и Гитна разработали свод правил, который сам он предпочитал называть «Кодексом цивилизованности». В нём предписывалось взаимное уважение, приветствия рукопожатием или лёгким поклоном, запрет на порчу общего имущества и клевету... Религиозную составляющую он безжалостно вырезал, оставив лишь практическую пользу: опрятность в одежде, личную гигиену и бережное отношение к пище.

О торжественных церемониях он решил подумать позже.

По словам Гитны, из-за того, что их господин — демон, исконный противник Бога, да к тому же редко улыбается, обитатели поместья не смели следовать старым привычкам. Все боялись, что Фарфаноэрс в гневе выставит их вон, а терять нынешнюю, вполне сносную жизнь никому не хотелось.

— Установить правила сейчас — благое дело. Так люди поймут границы дозволенного, — мягко произнесла Гитна. Она была на редкость умной женщиной, и Фарфаноэрс невольно задавался вопросом: не придворные ли интриги и борьба за власть научили её так тонко чувствовать момент?

— В конечном счёте, мы просто меняем обёртку, не так ли? — Фарфаноэрс наконец допил чай и поставил эмалированную чашку на стол. Фарфор издал чистый, звонкий звук. — Над некоторыми вещами мне ещё нужно поразмыслить... Скажи, Гитна, твоё рвение в помощи демону — не означает ли оно, что ты окончательно отреклась от своего Бога?

— Вряд ли, — покачала она головой. — Знаете, при жизни Он не слишком-то заботился обо мне. А после смерти я оказалась здесь, под вашим началом.

«И то верно. Фейеполо — страна прагматиков, там верой сыт не будешь».

Чего Фарфаноэрс не знал, так это того, что в глазах Гитны он выглядел куда предпочтительнее призрачного божества. В отличие от демонов из легенд, которые только и делают, что

подстрекают к злу, Повелитель вёл себя... вполне достойно. Пусть иногда он и не походил на человека, но Гитна видела в своей жизни немало правителей, которые человеческий облик утратили гораздо раньше. Так что винить его было решительно не в чем.

<http://bllate.org/book/16116/1587364>